

Татьяна Рамза

Białoruski Uniwersytet Państwowy
w Mińsku

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ МАСС-МЕДИА (НА МАТЕРИАЛЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУСОВ)

1. Отличие процессов демократизации в русском и белорусском языках.

Если под процессами демократизации литературного языка понимать „овладение нормами литературного языка широкими народными массами, взаимную адаптацию лингвемы и социалемы при изменении социального содержания последней” [Журавлев 1982: 193], то в отношении к белорусскому литературному языку происходит процесс диаметрально противоположный: белорусский язык становится всё более элитарным в том смысле, что численность его реальных пользователей ограничивается в большинстве своём гуманитариями¹. Феномен совмещенного двуязычия – *трасянка*, является речевым продуктом исторических условий развития белорусского языка, а не результатом демократизации общества. Хотя „неўнармаванасць трасянкi, яе аморфны і пlynны характар, ў некаторых сітуацыях даюць падставы яе носьбітам проціпастаўляць сябе прадстаўнікам літаратурнай мовы з жорсткай нормай, што патрабуе пэўных намаганняў для яе засваення, як прыхільнікаў дэмакратызацыі, разняволення ці прагматызму ў моўнай сферы” [Цыхун 1998: 87].

Демократизация в русском языке, как отмечают многие лингвисты, проходит под лозунгом вседозволенности (вульгаризация, криминализация, антинормализация) [Лаптева 1999; Костомаров 1999; Сметанина 2002 и др.]: „Если еще совсем недавно главным ее [русской языковой системы] ориентиром был литературный стандарт, то теперь этот ориентир развернут в противоположную сторону, с явным

---

¹ Небезынтересным будет факт, что сейчас в Беларуси ведущие западные компании „Самсунг”, „Панасоник” и др. перешли в рекламе своей продукции на белорусский язык. Основной аргумент менеджеров: „А белорусский язык сегодня более элитарный, чем русский. [...] «Элітарная мова – элітарная прадукцыя». «Пісьменна» ім владзеюць людзі інтэлігентныя, абразаваныя» [Комсомольская правда, 2005, 14 янв., с. 16].

креном к субстандарту в широком смысле” [Мокиенко 2004: 36]. В белорусском литературном языке таких очевидных деконструктивных языковых процессов не происходит, и этому есть несколько взаимообусловленных причин: во-первых, ограниченное использование белорусского языка, во-вторых, контингент его носителей, в-третьих, отсутствие или неразвитость самой системы белорусскоязычного субстандарта. „В белорусском языке такой экспансии сниженной лексики не наблюдается, поскольку молодежь, наиболее активно реагирующая на любые новшества, чаще использует русский язык. Что же касается творческой интеллигенции, то она достаточно консервативна (в хорошем смысле этого слова) для того, чтобы «разбавлять» литературный язык жаргонизмами, источником которых является русский язык” [Ровдо 2004: 66].

2. Демократизация нормы в белорусском литературном языке. В отличие от русского, в конце XX в. демократизация в белорусском языке приобрела иной сильный крен: изменилось отношение к орфографической норме, следствием чего стало использование, кроме официально закрепленной правописной традиции, альтернативного литературного стандарта – *тарашкевицы* или отдельных ее элементов. Такое языковое сопротивление как „естественная реакция носителей языка на кодификацию норм” [Купина 1999: 7] наиболее выразительно и открыто проявилось в неформальных белорусскоязычных СМИ, которые игнорируют нормы „афицыйнай” мовы и строят свои тексты на принципе „палярнага пурызму” [Садоўскі 2000; Кіклевіч, Пацехіна 2000; Kiklewicz 2003 и др.].

Кроме такого, на первый взгляд, внешнего, послабления нормы, вначале затронувшего и ряд государственных изданий, происходит процесс демократизации содержания самих текстов СМИ, который проявляется в сознательной демонстрации нормативно-языковой недисциплинированности авторов текстов, в своеобразной „демократической самодеятельности” (Н. Бердяев). И в этом аспекте белорусский язык стал средством манипуляции: использование его в определенном контексте и при определенных условиях позволяет четко маркировать отношение к говорящим на этом языке: напр., вкрапления в русскоязычный текст белорусских слов или сочетаний, чтобы открыто продемонстрировать свою негативную позицию к инакомыслящим: *беларускія спрытнюгі, нашы „патрыёты”, айчыныя „змагары за дэмакратыю”, спадары-апазіцыянеры, нашы „асабліва свядомыя”* и т.п. Так, „*слова свядомы журналістамі, якія знаходзяцца на службе ў дзяржаўных сродках масавай інфармацыі, цяпер ужываецца толькі ў адмоўным і здэклівым эансе*” [Дзудзюк 2003: 241]. Желая очернить своих оппонентов, журналисты осознанно или неосознанно принижают этим и белорусскоговорящих жителей, и, главное, статус родного языка в обществе, так „проблемы политики неожиданно становятся проблемами чисто лингвистическими и культурными” [Баранов, Казакевич 1991: 7]. Это уже не столько процесс демократизации языка прессы, сколько пренебрежение этикой, сознательное игнорирование кодифицированной нормы общения; критика

государственными СМИ людей, принадлежащих к оппозиции, никак не соответствует моральным нормам ведения дискуссии, а ведь именно „степень развития политического диалога свидетельствует о развитии демократии в обществе” [там же: 5–6].

Наступившая языковая свобода от этических норм как нельзя лучше способствует деформированию общественного сознания: использование белорусского языка в бытовом общении является чуть ли не маркёром принадлежности к националистам, „бэнээфайцам”. Общий спад престижности родного языка сопровождается языковым и культурным отчуждением, настороженностью к людям, разговаривающим на нём в повседневности.

3. Пахмурны край, или метафорический образ Беларуси в негосударственных СМИ. Тенденция к демократизации содержания в белорусскоязычной негосударственной периодике проявилась прежде всего в открытых, я бы сказала, „оголенно” негативных дефинициях Беларуси и белорусов, что, безусловно, является реакцией на определенную аполитичность белорусского народа, на т.н. „белорусскую толерантность” и, конечно, на упорное нежелание массового белоруса говорить на родном языке. Многочисленные сравнения, перифразы, пейоративные метафоры, реминисценции, игра слов – в совокупности создают тот образ страны (*пахмурны край*) и ее жителей (*бульбашоў, местачковых трасяначнікаў*), который сами белорусы (авторы этих определений) не приемлют.

Эмпирической базой такому выводу послужил материал журнала „Arche” (2000, № 7), в котором опубликована версия звучавшей на протяжении всего 1999 г. в эфире радио „Свабода” передачи *Слова дня*. Этот концептуальный проект, приобретший печатную форму, вышел как *Слоўнік Свабоды*, идея которого, по словам авторов, „у падзагалоўку: «XX стагоддзе ў беларускай мове»”, а главная цель – „даць мастацкае апісаньне і тлумачэньне вызначальных для сёньняшняй беларускай сапраўднасці зьяваў і працэсаў” [Слоўнік 2000: 8].

Исходя из заявленной темы, в данном сообщении актуализирован только тот материал, который 1) касается вторичной номинации Беларуси и белорусов (лексические метафоры, сравнения, перифразы) и который 2) „подпадал” под понятие очерченных выше процессов демократизации, следовательно, он **заведомо односторонний**, т.к. не включает в себя положительного материала, являющегося литературным стандартом.

3.1. Беларусь – архіпелаг. С точки зрения когнитивной лингвистики, большинство метафор в представлении Беларуси основаны на базовой ориентационной метафоре ‘ограниченное пространство’, или ‘вместилище’ (что абсолютно логично, т.к. любое государство – это прежде всего единство территории), ср.:

Беларусь

як запаведная савецкая зона
архіпелаг
лялечны тэатр
бульбяное поле СССР
вялікая аранжарэя міліцэйскіх бананаў
як прыродны асяродак крата
балота
царства змроку, падзем'е

Приведенные конструкции как метафорические выражения „niedookreślone w tym sensie, że jest otwarte na wiele interpretacji semantycznych” [Kiklewicz 2005], но в нашем случае обязательно предполагают фоновые знания у читателя, а именно: осведомленность о политических и экономических событиях, происходивших в стране; знания истории белорусского народа и становления белорусской государственности; определенной компетентности в культурной жизни страны; ориентации в творчестве белорусских писателей и белорусских „прецедентных феноменах” (термин В. Красных), в конце концов, активное владение языком, чтобы адекватно воспринять авторский сарказм, игру слов, подтекст, определенную коллажность и экспрессию. В этих номинациях „экспрессивные средства приобретают интеллектуальную напряженность и становятся носителями информации, способными формировать содержательную канву высказывания” [Сметанина 2002: 52].

В качестве подтверждения – метафора *Беларусь – архіпелаг*. Первая ассоциация – *Архіпелаг ГУЛАГ* А. Солженицына – нивелируется в контексте, где эксплицируются новые ассоциативные связи и смыслы: [...] **метафара архіпэлягу ўсё часцей ужываецца для абазначэння Беларусі як цэлага**. [...] *калі б нехта паспрабаваў на агульным полі нашай дзяржавы пазначыць адметным колерам тыя месцы, дзе заўважана прысутнічаюць беларуская мова, беларуская культура, урэшце, проста любоў да краіны Беларусі, то б [...] мы ўбачылі нешта накшталт архіпэлягу*. *Унутры дзяржаўных межаў паасобку ці групамі раскіданыя астравы і астраўкі беларушчыны. А ўсё астатняе – неабсяжнае мора расейшчыны* [Слоўнік 2000: 19]. Неординарная лексическая сочетаемость *астравы і астраўкі беларушчыны, мора расейшчыны* акцентирует прежде всего количественное несоответствие белорусско- и русскоговорящих.

Метафора *Уся краіна – як прыродны асяродак крата* [Слоўнік 2000: 68] является развёрнутой аллюзией на „прецедентный” (т.е. широко известный) текст М. Богдановича *Народ, Беларускі Народ! Ты цёмны, сляпы, быццам крот* (1913) и предусматривает актуализацию имплицитно связанных с этим ассоциаций, но в проекции на события сегодняшнего дня.

3.2. Беларусь – жанчына. Второй блок метафорических выражений представляет Беларусь как женщину, от трогательно незащищенной (*невинная невеста*) до патологически обреченной (*гермафродит*). Образ *невесты* (стереотипная ситуация ‘неравный брак’) используется при оценке белорусско-российских отношений: *трагічны шлюб, што гвалтам навязваюць [...] нашай маладой цнатлівай нявесьце-Беларусі зь перастарэлым ды невылечна-распусным і хранічна-нецвярозным суседам-жаніхом, які даўно ні на што ўжо ня варты са сваім шматлікім прэстым гарэмам, але ж да чужога і маладзейшага ўсё яшчэ агідна ласы* [Слоўнік 2000: 199]. С помощью образа *женщины*, которой изменили пол, оцениваются последствия бездумной мелиорации страны, после чего *Беларусь развіталася са сваёй жаночай сутнасцю [...] стала як жанчына з пнісам. Якая звонку выдае на мужчыну, але няздольная ні праліць жыццьядайнае семя, ні прыняць яго ў сябе* [Слоўнік 2000: 119–120].

Такой „семантический вызов” (П. Рикёр), или „семантическая дерзость” (Ж. Козн), являясь отклонением от принятого стандарта, нормы, удерживает оригинальную авторскую интерпретацию, которая открывает новый ракурс видения проблемы: „метафорическое значение состоит не только в семантическом конфликте, но и в *новом* предикативном значении, которое возникает из руин буквального значения” [Рикёр 1990: 419–420]. Думается, главная цель подобных метафор не в эпатажном самовыражении, а в социализировании своих эмоций с целью информационного воздействия на адресата. Поэтому такая окказиональная образность имеет, на мой взгляд, отрицательный эстетико-психологический эффект для читателя – уж очень „за державу обидно”.

3.3. Беларусь кар’ерная. Образность в представлении Беларуси в третьем блоке метафор, которые выражают каузальность через определение или перифразу, также имеет явное „эмоциональное отчуждение” (В. Г. Костомаров), ср.:

Беларусь

кар’ерная
сярмяжная, латцюзная
краіна пастаянных дэфіцытаў
Краіна ў кратах
краіна ў лябірынце

Метафора *Беларусь кар’ерная* основывается на прецедентном (ключевом) тексте В. Быкова *Кар’ер*. Слово *кар’ер* (‘месца адкрытай здабычы карысных выкапняў, а таксама месца, дзе капаюць гліну, пясок і пад.’) возводится до ранга абстрактного понятия: *Кар’ер – гэта парушаны культурны слой, патрывожаная памяць* [Слоўнік 2000: 86].

Свобода в выборе средств номинации, личностные интенции и оценки способствуют созданию стихийных, но сильно экспрессивно маркированных номинаций Беларуси, появившихся как реакция на общественно-политические события в стране и ее основной экономико-политический курс, ср.: *Краіна ў кратах* и *Беларусь – вялікая аранжарэя міліцэйскіх бананаў* [Слоўнік 2000: 92; 13]; *краіна ў лябірынце* и *Беларусь як заваедная савецкая зона* [Слоўнік 2000: 106; 24].

Эти и подобные им примеры свидетельствуют, с одной стороны, об интеллектуализированном характере вторичных номинаций, а с другой – об их разговорной основе, сильном эмоционально-экспрессивном компоненте.

4. Пакрыўджаныя, якія мараць пра тое, каб „людзьмі звацца”. Независимость в выборе и интерпретации темы и в средствах ее выражения обусловили в текстах негосударственных СМИ неприкрытую, полемически-заостренную оценку состояния белорусского общества, и как следствие – доминирование негативно-эмоциональной характеристики белоруса (причём авторы не отделяют себя от коллективного *мы*), ср.: *мы, як баязлівыя зайцы на купінах, азіраемся – хто адымае вітаміны?*; *мы, быццам якія палінезійцы, жывем на выспах архіпелагу і самотна выгледваем адзін аднаго на даляглядзе*; *мы – „людзі на балоце”*; *мы – тхло* (‘рыба, якая затохлася пад лёдам’) [Слоўнік 2000: 10, 19, 25; 180]. В отличие от государственных масс-медиа, которые по-прежнему находятся в прокрустовом ложе контрастного восхваления (у нас, белорусов, лучше всех), в неформальных СМИ скорее преобладает противоположная тенденция (мы хуже всех) – умаление себя, ироничность и даже циничность.

Если в глазах соседей-поляков терпение, выносливость, спокойствие – позитивные черты белорусов [Кажанеўска-Бэрчыньска 2003: 237-238; Радзік 2003: 182], то для создателей рассмотренных текстов – порок, выразительными маркёрами этому служат определения: *беларус вылучаецца сваёй паталагічнай цярплівацю*; *гэткая ідыёцкая цярплівацьць*; *мяккасьць характару сёньня – гэткі самы крымінал для нацыі*, *як ужыванне мяккага знаку – крымінал для ўладаў* [Слоўнік 2000: 17; 202]. Но по словам П. Васюченко, мифологизированному „белорусу як істоце звышцярплівай, звышталерантнай” сопротивляется белорус исторический, который „*бярэцца за зброю тады, калі ніхто ад яго гэтага не чакае*”, а реальны белорус „*не клапоціцца, каб яго дужа любілі. Беларусу больш актуальна, каб яго не чапалі*” [Васючэнка 2004].

Не только пассивность, но и добровольный отказ массового белоруса, *местачковага трасяначніка*, от родного языка вызывает у авторов осуждение, поэтому такой „адмысловай немачы” белорусов ставится диагноз – *алергія на Бацькаўшчыну* [Слоўнік 2000: 14]. К сожалению, „болезнь” эта разрушительна для белорусского общества и вызывает пессимизм и неуверенность в завтрашнем дне даже у оптимистов: *Пакуль іныя народы прырасталі здабыткамі, мы мацаваліся стратамі. І цяпер мы багатыя на „няма”, як ніхто. У нас няма гіторыі, няма мовы, няма свабоды, няма ладу і, магчыма, хутка ня будзе дзяржавы. Дый пра саміх беларусаў хто ўпэўнена скажа: ці то яны ёсць, ці то іх няма?* [Слоўнік 2000: 125].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что свобода от идеологического стандарта предопределила свободу в организации текстов негосударственных белорусскоязычных СМИ и определенную „самостоятельность” в использовании метафорических средств языка. Чтобы „достучаться” до сознания массового белоруса и каким-то образом воздействовать на него, авторы текстов провоцируют читателя далеко не лестными сравнениями и определениями. Но, адресуясь к массе, они в большинстве своём находят отклик только у небольшой группы общества – интеллигенции, т.к. и само издание является элитным, ориентированным на хорошо подготовленного читателя.

Библиография

- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. (1991). *Парламентские дебаты: традиции и новации*. Москва.
- Васючэнка П. (2004). *Беларус вацяма беларуса. Беларус міфалагізаваны, гістарычны, рэальны*. Arche, № 4, с. 115–130.
- Дзудзюк З. (2003). *Прыхаваная асіміляцыя*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г.: У 2-х кн. Кн. 1 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 240–242.
- Журавлев В. К. (1982). *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*. Москва.
- Кажанеўска-Бэрчыньска І. (2003). *Вобраз сённяшняга беларуса ў польскай масавай свядомасці*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. У 2-х кн. Кн. 2 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 237–243.
- Кіклевіч А., Пацехіна А. (2000). *Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыялах сучаснага беларускага друку)*. Slavia Orientalis, т. XLIX, № 1, с. 93–105.
- Костомаров В. Г. (1999). *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург.
- Купина Н. А. (1999). *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*. Екатеринбург.
- Лаптева О. А. (1999). *Живая разговорная речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Москва.
- Мокіенко В. (2004). *Источники фразеологической неологизации в русском языке*. W: *Slowo. Tekst. Czas. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie. Materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21–22 listopada 2003 r.)*. Szczecin, с. 27–38.
- Радзік Р. (2003). *Палякі-беларусы: культурная абумоўленасць рознасці светапоглядаў*. W: *Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: Матэрыялы Міжнароднага сімпозіума*. Мінск, 9–10 ліп. 2002 г. У 2-х кн. Кн. 2 / Рэдкал.: В. Якавенка (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 170–182.
- Рыкёр П. (1990). *Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение*. W: *Теория метафоры*. Москва, с. 416–134.
- Ровдо И. С. (2004). *О некоторых проявлениях национальной специфики языка*. W: *Язык и социум: Материалы VI Междунар. науч. конф. Минск, 3–4 декабря 2004 г.* В 2 ч. Ч. 1 / Редкол. Л. Н. Чумак (отв. ред.) Минск, с. 66–69.
- Садоўскі П. (2000). *Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх незяржаўных выданняў*. W: *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў „Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.)* Рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.) і інш. Мінск, с. 222–234.

- Слоўнік Свабоды. XX стагодзьдзе ў беларускай мове: Слова на дзень для памяці і для роздуму.* Arche, № 7. Мінск 2000.
- Сметанина С. И. (2002). *Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)*. Санкт-Петербург.
- Цыхун Г. А. (1998). „Трасянка” як аб’ект лінгвістычнага даследавання. W: *Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 22–24 кастрычніка 1997 г.)*. Мінск, с. 83–89.
- Kiklewicz A. (2003). *Język polski obojga narodów? Wpływ języka polskiego na język białoruskich mediów*. W: *Język trzeciego tysiąclecia. T. 2. Polszczyzna a języki obce: przykład i dydaktyka*. Red. W. Chłopicki. Kraków, s. 321–329.
- Kiklewicz A. (2005). *Kognitywna teoria metafory: zagadnienia dyskusyjne* [w druku]

SUMMARY

Democratization of the content of mass media texts (based on secondary nomination of Belarus and Belarusians)

The article deals with the process of democratization in Belarusian press texts. The author points to the tendency towards democratization in the Belarusian language in comparison with Russian and draws some conclusions. Firstly, the attitude to spelling norms has changed, which is proved by parallel existence of two spelling traditions. Secondly, democratization of the content of journalistic texts is observed not in domination of non-standard vocabulary, typical of Russian, but in specific ‘semantic innovations’, metaphors with negative connotations. Secondary nomination of Belarus and Belarusians in private mass media is in the focus of the author’s attention.